

ИСТОРИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Хотя архив Оружейной палаты существует буквально с первых лет образования кремлевских сокровищниц и мастерских, посвященных ему работ очень немного. До сих пор не изучена история архива музея как структурного подразделения, осуществляющего хранение, учет и использование документов, входящих в состав Государственного архивного фонда Российской Федерации. Таким образом, в самом начале нашего исследования стали очевидны две главные задачи — изучение судьбы одного из богатейших исторических документальных собраний с XVIII по начало XX столетия, а также воссоздание предыстории существующего ныне отдела рукописных, печатных и графических фондов.

В настоящее время документы бывшего архива Оружейной палаты находятся в трех государственных учреждениях — в двух объединенных архивных фондах в Российском государственном архиве древних актов — фонде № 396 «Оружейная палата» (преимущественно дела дворцовых приказов XVI—XVII вв., а также документы Мастерской и Оружейной палаты 1727—1831 гг.) и фонде № 1239 «Дворцовый отдел» (документы дворцового ведомства середины XVIII — начала XX в.); в Российском государственном историческом архиве — в фондах Министерства императорского двора и ряда дворцовых учреждений, а также в отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля, где они составляют два небольших комплекса. Один из них — фонд № 1 «Оружейная палата» (147 единиц хранения 1830—1913 гг.), а другой включает документы, входящие в описи № 1 и 2 фонда № 20 «Музеи Московского Кремля» (чуть более 400 единиц хранения 1806—1917 гг.). Судьба всех перечисленных документальных собраний тесно взаимосвязана. Попробуем проследить ее по имеющимся публикациям и источникам.

Как следует из вводной статьи к первому тому путеводителя по Российскому государственному архиву древних актов, изданному в 1991 г., «Архив Оружейной палаты, содержащий в XVII в. только документы самой палаты, в первой четверти XVIII в. становится хранилищем документов дворцовых приказов, частью ликвидированных, частью объединенных с палатой. В этот архив поступили также материалы некоторых правительственных приказов, находившихся в Кремле, например, Большой казны, Сбора запросных и пятинных денег, Холопьяго...»¹.

В декабре 1726 — январе 1727 г. четыре кремлевских сокровищницы и мастерские (Оружейная палата, Казенный приказ, Конюшенная казна и Мастерская палата) по указу императрицы Екатерины I были объединены в одно учреждение под названием Мастерская и Оружейная палата. Последнее находилось в ведении Сената и подчинялось непосредственно его Московской конто-

ре². Возглавил учреждение Главный судья полковник князь Василий Юрьевич

Одоевский, отличившийся в сражении под Нарвой в годы Северной войны со шведами. Ему подчинялись господа присутствующие (в разные годы один или два), а также канцелярские служители и мастеровые. На протяжении всего XVIII столетия палате придавалось большое значение, а ее руководителями назначались люди известные, именные и заслуженные, например генерал-лейтенант Михаил Яковлевич Волков и князь Григорий Александрович Потемкин.

Несмотря на то что в январе 1727 г. кремлевские мастерские и сокровищницы объединились, делопроизводство велось по трем отделениям — по вытьям, включавшим дела по прежним самостоятельным учреждениям. Каждое по вытью возглавлял канцелярист или подканцелярист, отвечавший за документы по своему ведомству, будь то Оружейная палата с Конюшенной казной, Мастерская палата или Казенный приказ с дворцовыми церквями. Соответственно, у них хранились и описи разных лет по этим сокровищницам. Документы общего характера находились «в смотреии» у одного из канцеляристов, а затем, с появлением в штате секретарской должности, вошли в круг обязанностей секретаря, отвечавшего за ведение журналов и протоколов присутствия, книг входящих и исходящих бумаг, приходо-расходных книг и т.д. Он же отвечал и за так называемые дела прошлых лет, то есть архив. Об этом свидетельствует выписка из журналов и протоколов присутствия палаты за 1763 г. о выдаче жалования за сентябрьскую треть служителям и мастеровым, в том числе и «секретарю Медведкову за ево... по архиве труд». Известно, что законченные дела переплетались, подтверждением чему служат многочисленные записи о выдаче денег за переплетные работы. Примечательно также и то, что большинство сохранившихся дел находится в однотипных темно-коричневых кожаных переплетах. В 1750–1760-х гг. они выполнялись переплетчиком Якимом Ушаковым³. Так, в 1756 г. он переплетал списки мастеровых людей, а в 1757 г. журналы и протоколы присутствия за 1754, 1755 и 1756 гг., — всего шесть томов⁴.

Вообще сведений об архиве Мастерской и Оружейной палаты XVIII в. очень немного, поэтому имеет смысл рассмотреть их подробнее. Известно, что в июне 1736 г. старосте Гавриле Хилкову и другим мастерам учреждения руководством было поручено изготовление восьми шкафов для хранения архива. Вскоре они были готовы, причем в высоту они имели три аршина, в ширину — два аршина и две четверти, а в глубину по десять вершков. При этом каждый был «о четырех затворах с перегородками, по четыре полки в каждой половине, для положения книг и дел и всяких писем и записок прошлых лет». Производились работы под присмотром надзирателя палаты Григория Адольского, а на покупку припасов ушло 25 руб. 54 с половиной копейки⁵.

В 1750 г. была начата затянувшаяся на долгие годы работа по разбору архива, уточнению заголовков дел и составлению к ним описей. Однако выполнить ее силами самой палаты было невозможно из-за недостатка, или, как сказано в документах, «за малолюдством» канцелярских служителей. В связи с этим в нее были направлены копиист Гаврила Оловенников из бывшей канцелярии генерала М.Я. Волкова и Семен Лаврентьев из Сыскного приказа, давшие подписку «о бытии при разборе и описи дел в оной палате безотлучно». Перед

началом работ канцеляристу палаты Ивану Кононову полагалось «от архива... печать... снять», достать «дела и книги и столбцы, определенные к... описи» и выдавать их служителям для работы под расписку, с пометой в документах. Возвращались они также с внесением соответствующих записей. Возврат и выдача дел производились «понедельно», и в середине 1750-х гг. работа еще продолжалась. Все бумаги занимали «8 шкафов, 4 сундука и 4 коробки»⁶.

Согласно указу императрицы Елизаветы Петровны от 24 августа 1754 г. «О сочинении по судебным местам проекта Уложения» была создана специальная Комиссия по составлению нового Уложения, а в Мастерскую и Оружейную палату, как и в другие учреждения, был направлен чиновник для ее освидетельствования и выработки предложений по улучшению деятельности. Так в конце октября того же года в древних кремлевских сокровищницах и мастерских появился коллежский секретарь Алексей Михайлович Аргамаков (в 1755 г. он был назначен первым директором Московского университета)⁷. Как и всякий ревизор, он тут же затребовал себе действующие и прежние нормативные документы — указы о смене руководства, старые инструкции, описи сокровищ и архивных дел. По его требованию для работы ему было отведено место в Судейской палате и выделено три человека в подручные. Ознакомившись с делами и порядком хранения ценностей, М.Ф. Аргамаков вскоре подал в Сенат донесение «о непорядочном содержании сокровищ и особенно архива», а также обещал в ближайшее время подготовить свои рекомендации по улучшению дел. В частности, он писал: «Оная Архива по большей части не разобрана и реестр не имеет, к тому же ненужными бумагами наполнена, да и те по большей части повреждены, так что и надежды не остается к получению исторических древних уведомлений, откуда какая вещь и в какое время при каких обстоятельствах вошла». Подверглись критике и описи предметов за то, что «с великим непорядком написаны», отчего он просил Сенат приказать руководству палаты составить новую опись, расположив в ней предметы по сортам⁸. После такого доклада господа сенаторы не могли остаться равнодушными к положению дел в кремлевской сокровищнице. Указ о срочном составлении «генеральной описи» ее собрания и описании архивных бумаг был издан уже 24 декабря, а 27 декабря А.М. Аргамаков выехал в северную столицу, увезя с собой якобы несуществующий реестр документов по истории палаты и смене ее руководства, который, кстати, так и не возвратил обратно.

В ответ на суровый сенатский указ присутствующий палаты граф Владимир Шереметев отвечал, что «вещи и дела» хранятся «порядочно и исправно», в шкафах и сундуках, по порядку, а плохая сохранность некоторых столбцов объяснима их древностью. Помимо прочего, в рапорте Шереметева указывалось, что весь архив был осмотрен Аргамаковым крайне небрежно, всего за четверть часа, а «в такое... краткое время о том архиве аккуратности ему взять было некогда, исчело и видимо, что оный доклад он чинил токмо одними догадками, а не делом». К тому же, как явствует из сохранившихся документов, разбор архива был начат еще в 1750 г., а к моменту проверки описано 10 тысяч дел, на которые и составлены реестры⁹.

В начале 1755 г. А.М. Аргамаковым были подготовлены и отправлены в Сенат обещанные шесть пунктов — рекомендаций по реорганизации палаты. Об этом уже немало сказано и написано, поэтому не будем останавливаться на них подробно. Отметим лишь, что они действительно содержали крайне полезные предложения. Строительство специального здания для хранения ценностей, составление новой описи и путеводителя являлись неотложной задачей. Кроме того, представляло интерес и предложение назначить один день в неделю для свободного доступа посетителей. Однако возведенная по проекту архитектора Д.В. Ухтомского галерея была разобрана в связи со строительством Кремлевского дворца В.И. Баженова, так и не приняв в свои стены древние сокровища.

Но вернемся к теме нашего исследования. Во второй половине 1750-х гг. разбор и описание архивных дел были продолжены; как и ранее, к этой работе привлекались служащие других учреждений. В частности, в 1757 г. с этой целью были направлены чиновники Ревизион-коллегии Семен Андреев и Иван Темный¹⁰. Ежедневно в Московскую контору Сената отправлялись рапорты о ходе работ. Судя по сообщению от 27 ноября 1761 г., к тому времени было разобрано и описано 11433 номеров столбцов, 182 номера тетрадей и 268 номеров книг, то есть подавляющее большинство имеющихся дел¹¹. Вскоре привлеченные к работе служащие возвратились в те учреждения, откуда были затребованы. Любопытно, что по распоряжению Сената все составленные описи документов полагалось направить и в Синод, которому могли быть «потребны древних лет грамоты, истории и прочее»¹².

До 1769 г. данное уникальное собрание располагалось в строении возле Благовещенского собора, рядом с палатами, где находилось присутствие и работали канцелярские служащие. Однако возле нового кремлевского дворца планировалось разбить «набережной сад». Именно под этим садом и находилась «палата, в которой хранятся ведомства Мастерской и Оружейной конторы архива...», и по распоряжению руководства Экспедиции кремлевского строения, образованной в 1768 г., дела были перенесены в кремлевский дворец «под Терем, в третье жильё»¹³.

Говоря о судьбе архива Мастерской и Оружейной палаты в XVIII в., необходимо отметить, что на протяжении всего этого периода дела неоднократно запрашивались в различные учреждения — Герольдмейстерскую контору (например, в 1747 г.)¹⁴, ко двору и т.д. Значительное количество исторических документов (грамот, писем Петра I и других) по велению императрицы Екатерины II в 1767 г. было отправлено ко двору, в 1778 г. по распоряжению Г.А. Потемкина к нему была доставлена «История князя Курбского», и подобных примеров множество¹⁵. Иногда обращение к архивным источникам имело чисто прикладной характер. В 1770 г. перед поновлением стенописи Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов Кремля были затребованы выписки из расходных книг 1642–1643 гг. о выполнении подобных работ в те годы¹⁶. В частности, представляли интерес сведения об использованных материалах, технологиях и количестве мастеровых.

Вообще во второй половине XVIII в. значение архивной службы хорошо осознавалось. Подтверждением этому служит Сенатский указ, поступивший 10 июня 1768 г. в Мастерскую и Оружейную контору, как тогда называлось учреждение, «о выборе в каждом присутственном месте к определению в архивариусы... людей трезвого жития и неподозрительных в поступках» и проведении ежегодных проверок архивов присутствующими «с прилежным наблюдением»¹⁷.

Работы 1750–1760-х гг. по приведению архивных дел в порядок и составлению на них новых описей были возобновлены при главноначальствующем палаты сиятельном князе Григории Александровиче Потемкине, руководившем ею с 1775 г. по 1791 г., до самой смерти. В протоколе присутствия палаты от 28 августа 1785 г. имеется пожелание — хотя бы самые нужные документы «иметь в хранении в удобных и безопасных к тому палатах, каковых ныне по ведомству Мастерской и Оружейной конторы... не находится... равно и для порядочного содержания тех книг шкафов нет», а многие из них «в переплете обветшали». Вскоре было решено «к постановлению... по годам... сделать способные и надежные шкафы» для документов¹⁸.

Разбор и описание архива проводились одновременно с описанием исторических ценностей, хранившихся в кремлевских сокровищницах. Например, 15 декабря 1785 г. Потемкину был направлен рапорт о том, что «вещи Мастерской и Оружейной палаты и имеющийся в ведомстве оной архив в большей части разобран... в коем отысканы самые нужные и особливо описные вещам... и другие разные старинные книги... для всяких могущих впредь случиться по палате выправок...». Эти дела «приведены в настоящий порядок, с учинением по годам... надлежащей по номерам описи». Содержалась в рапорте и просьба «наградить чинами» служащих палаты коллежского секретаря Григория Роженкова, регистратора Алексея Дмитриева и канцеляриста Александра Зимина за проделанную работу, так как жалование их не менялось с 1751 г., а цены существенно возросли¹⁹.

После смерти Г.А. Потемкина, при главноприсутствующем Петре Никитиче Кожине мероприятия по улучшению условий хранения архива и его описанию, впрочем, как и всего собрания палаты, не проводились, а условия хранения ценностей и организация их учета явно не соответствовали их значению.

В 1805 г. в связи с присоединением Мастерской и Оружейной палаты к Экспедиции кремлевского строения, возглавляемой П.С. Валуевым, ее архив также оказался в ведении Экспедиции. Ознакомившись со всеми направлениями деятельности палаты и ее штатом, Петр Степанович приступил к существенным преобразованиям. В частности, именно им был подготовлен знаменитый указ от 10 марта 1806 г., послуживший началом музейной летописи учреждения. В тот же период действительным статским советником В.Ю. Соймоновым была начата работа по составлению сводной описи всего собрания сокровищницы. В статье Т.А. Туговой²⁰ подробно рассмотрены все ее достоинства и недостатки, а также история создания, поэтому лишь укажем, что она прослужила основным учетным документом целых двадцать семь лет. Примечательно, что Петр Степанович для ускорения работы по ее завершению предложил включить в штат палаты историографа, но ему было отказано²¹.

Вскоре по инициативе П.С. Валуева по проекту ученика М.Ф. Казакова архитектора И.Е. Еготова у Троицких ворот Кремля было начато строительство первого в Москве музейного здания для кремлевской сокровищницы. В 1810 г. оно было возведено, а к лету 1812 г. уже готово к приему ценностей. Однако созданию экспозиции помешала Отечественная война 1812 г. Как известно из работ А.В. Петуховой, Е.И. Смирновой и А.С. Николаевой по истории Оружейной палаты XIX в.²², драгоценные предметы кремлевских сокровищниц в 1812 г. были своевременно вывезены из Москвы до занятия ее французами. Однако этого нельзя сказать об архиве. Например, Е.И. Смирнова так писала о его печальной судьбе: «Разрушение и урон, причиненные французскими гвардейцами и польскими уланами... в сентябре — октябре 1812 г., коснулись и палаты: сильно пострадало новое здание, большой ущерб был нанесен уникальному архиву, не вывезенному из Москвы. В начале 1813 г. в Кремль по приказу Валуева вернулись служащие канцелярии Дмитриев, Галанин, Мухин и начали поиск и сбор уцелевших древних документов»²³.

Шестнадцатого июня 1813 г. исторические ценности вернулись из Нижнего Новгорода, где они находились в эвакуации, после чего «сильно пострадавший архив» был размещен на первом этаже Еготовского здания Оружейной палаты. Он занимал комнату длиной шесть и шириной четыре аршина²⁴. Необходимо отметить, что сохранение уцелевших документов занимало заметное место среди неотложных дел послевоенного времени. Их разбор был поручен служащим палаты И. Величкину и А. Малову. Возглавивший Экспедицию кремлевского строения и Оружейную палату после смерти П.С. Валуева в 1814 г. Николай Борисович Юсупов по праву считается автором первой музейной экспозиции, проводились при нем и мероприятия по созданию справочного аппарата к документам. В 1824 г. составлением описи древних книг и рукописей палаты занимался Алексей Золотарев, а с 23 марта 1826 г. он же стал заведовать архивом. В следующем году в журнале «Вестник Европы» было опубликовано «Краткое описание примечательных книг и рукописей, находящихся в Архиве при Мастерской и Оружейной палате», послужившее началом введения в научный оборот уникального документального собрания²⁵. Архивные материалы использовались и в исследованиях. Известно, что неоднократно архивные источники выдавались для дальнейшей работы почетному члену музея А.Ф. Малиновскому, автору первого иллюстрированного издания, посвященного кремлевским сокровищам — «Исторического описания древностей Оружейной палаты», опубликованного в 1807 г.²⁶

В 1831 г., после смерти Н.Б. Юсупова, Экспедиция кремлевского строения была упразднена, а большинство ее функций перешло во вновь образованную Московскую Дворцовую контору. Тридцать первого августа 1831 г. в присутствии палаты был зачитан указ императора Николая I от 22 августа «О переименовании Экспедиции Кремлевского строения в Московскую Дворцовую контору». Ее президентом был назначен князь Сергей Иванович Гагарин, вице-президентом князь Александр Михайлович Урусов, а советниками действительный статский советник Гедеонов, статский советник Львов и коллежский

ассессор Берхман. Так Оружейная палата, называвшаяся с этого времени Московской Оружейной палатой, вместе со всеми ценностями и уникальными документами перешла в ведение Дворцовой конторы. Управлялась она теперь директором и двумя его помощниками, назначаемыми императором. Первым ее директором стал тайный советник Федор Александрович Ушаков, прослуживший в этой должности двенадцать лет, а его помощниками В.В. Карцев и автор изданного в 1834 г. первого путеводителя по музею П.М. Евреинов²⁷. К императорскому указу прилагался и Устав из восьмидесяти восьми параграфов, регламентирующий деятельность не только самой конторы, но и музея. В круг работ по архиву конторы входили прием и хранение «в совершенной исправности» сдаваемых дел и книг, «составление оным надлежащих алфавитных реестров и потребных описей по систематическому порядку», а также «изготовление справок и выписок из старых дел по предписаниям конторы». Все дела по архиву поручались архивариусу, которому полагался один помощник. «Архив Оружейной палаты, заключающий в себе многие важные и редкие рукописи и документы», присоединялся к общему Архиву Московской дворцовой конторы. При этом «по оному должны быть составлены особые систематические описи и реестры, в хронологическом порядке, с наблюдением при том за сохранным сбережением рукописей, дабы они по давности времени не подверглись порче»²⁸. В декабре 1831 г. в архив дворцовой конторы поступили документы покойного Н.Б. Юсупова. Вскоре архивариусом Чубаровым на них была составлена специальная опись «секретных дел»²⁹.

Первая половина 1830-х гг. для Московской Оружейной палаты стала временем подготовки уже упомянутого нами путеводителя и Описи 1835 г., ставшей основным учетным документом вместо прежней, составленной еще при П.С. Валуеве.

Стоит отметить, что в этот период в архиве работало немало исследователей. Например, в 1834 г. к «бумагам Оружейной палаты» был допущен статский советник И.Х. Гамель от Императорской Академии наук, составлявший по заданию Московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына «Описание московской рукодельной промышленности». Любопытно, что с момента подачи прошения о допуске в архив до получения разрешения прошло несколько месяцев — с середины мая до ноября³⁰. В 1837 г. из Оружейной палаты к Министру императорского двора был отправлен ящик с материалами Федора Шакловитого. Документы палаты использовал также в своих исследованиях академик П.М. Строев, и подобных примеров немало³¹.

В ноябре 1837 г. в Московскую Оружейную палату был принят канцелярским служителем 2-го разряда семнадцатилетний Иван Егорович Забелин, имя которого также тесно связано с историей документального собрания кремлевского музея³². Поначалу И.Е. Забелину поручалась лишь переписка делопроизводственных документов, но вскоре он был привлечен к сверке предметов с имеющимися в старых описях данными. Таким образом он познакомился с уникальным архивным комплексом, куда входили в основном документы дворцовых приказов XVII в., отражавшие жизнь царского двора. Поняв, что

в его руках находится неизвестное ранее сокровище, Иван Егорович все свободное от канцелярских обязанностей время посвящал архивным изысканиям, самостоятельно учился читать вязь и скоропись, узнавал новые термины. Находясь на службе в палате, он познакомился с историками И.М. Снегиревым и П.М. Строевым, для которых вначале наводил справки из документов, а в 1840-х гг. он опубликовал уже свои первые самостоятельные работы. В 1845 г. Иван Егорович стал членом Комитета по изданию «Древностей Российского государства», задуманных как свод гравированных рисунков старинных памятников культуры, быта, архитектуры, а также исторических и литературных сведений, извлеченных из летописей. Членами Комитета являлись также М.Н. Загоскин, А.Ф. Вельтман, И.М. Снегирев, академик живописи Ф.Г. Солнцев и другие известные лица. В 1848 г. Забелин был переведен на должность помощника архивариуса Московской Дворцовой конторы, а в 1855 г. он стал архивариусом. Однако и в эти годы Иван Егорович не раз привлекался в палату для выполнения различных поручений. Например, в 1851 г. он занимался описанием предметов и древних рукописей из коллекции П.Ф. Коробанова, часть которой поступила в палату после смерти владельца, собирателя и знатока древностей.

Середина XIX столетия для Оружейной палаты стала периодом расцвета многих направлений ее деятельности. В 1842 г. новым директором музея был назначен Михаил Николаевич Загоскин, автор популярных исторических романов, в 1843 г. его помощником стал писатель Александр Фомич Вельтман, также отлично владевший пером и интересовавшийся отечественной историей. Именно ему принадлежит огромная роль в возвращении документов XVII и XVIII вв. в Оружейную палату из архива Московской дворцовой конторы и комплектовании библиотеки музея. О состоянии архива Московской Оружейной палаты на начало 1840-х гг. мы знаем из хранящегося в РГАДА документа «О подаче сведений о помещении архива Оружейной палаты». Так, 22 декабря 1843 г. Министр императорского двора князь П. Волконский направил Президенту Московской дворцовой конторы А. Урусову письмо с просьбой «уведомить его, где именно помещается ныне Архив Оружейной палаты, сколько занимает он шкафов, и какой оные меры»³³. Третьего января следующего, 1844 г., был отправлен ответный рапорт за подписью А. Урусова, составленный на основании справок, подготовленных архивариусом Дворцовой конторы Герценом и директором палаты М.Н. Загоскиным. В рапорте сообщалось, «что Архив Оружейной палаты, заключающий в себе древние описи вещей и прихода-расходные книги, кои необходимо нужны для справок, помещается ныне в нижнем этаже здания Оружейной палаты, в комнате длиной 6-ти, шириной 4-х аршин, на полках, приделанных к стенам сей комнаты. Древние же дела, состоящие в столбцах, сданы при новом образовании штата Оружейной палаты в 1831 году в архив Московской дворцовой конторы и помещены в общем с прочими делами архиве в Запасном дворе, где занимают два шкафа», один из них длиной три с половиной, а другой три аршина, соответственно шириной один с четвертью, а другой три четверти аршина, высотой же оба по три целых

и три четверти аршина³⁴. Через некоторое время, под предлогом необходимости постоянного обращения к архивным делам для составления описей ценных предметов, а также проведения других работ, например подготовки к изданию многотомных «Древностей Российского государства», А.Ф. Вельтман предпринял попытку вернуть эти документы из дворцового архива в палату во временное пользование. В ноябре 1845 г. Президенту Московской дворцовой конторы барону Л.К. Боду поступила докладная записка за подписью М.Н. Загоскина с просьбой о передаче в палату столбцов старинных дворцовых приказов XVII в. из архива Дворцовой конторы в Запасном дворе. В частности, там написано: «В Оружейной палате производится постоянно проверка признаков вещей с древними описями, отчего... многим вещам, в палате хранящимся, возвращается историческое их значение... Помощник мой коллежский асессор Вельтман нашел необходимо нужным иметь... столбцы в архиве Оружейной палаты как для успешнейшего и окончательного произведения проверки, так и для описания древностей Российского Государства... а равно и потому, что столбцы сей хранились и прежде в архиве палаты»³⁵. Просьба была удовлетворена, и уже 5 декабря 1845 г. архивариус Московской дворцовой конторы Герцен отдал запрошенные материалы под расписку присланному за ними от Загоскина И.Е. Забелину³⁶.

В 1848 г. в Кремле был возведен новый великолепный дворец по проекту архитектора К.А. Тона, по его же проекту по воле императора Николая I у Боровицкой башни строилось специальное здание для Оружейной палаты, соединенное с дворцом и составляющее с ним единый архитектурный комплекс. Еще летом 1850 г. архив музея планировалось разместить на цокольном этаже палаты. Однако в конце сентября самодержец «повелеть соизволил... круглую залу в нижнем этаже новой Оружейной палаты назначить для помещения Архива государственных бумаг, в комнатах же цокольного этажа, назначавшихся прежде для сего архива, разместить большую модель строений Кремля, старинные кареты и оружие», так как последние было невозможно экспонировать в верхних залах музея³⁷.

В следующем году, уже при размещении предметов и документов в новом здании, по предложению Министра императорского двора Д.Н. Блудова была начата колоссальная работа по разбору архива и составлению выписок из архивных дел, принадлежащих к старинным дворцовым приказам, для их дальнейшей публикации в виде отдельного тома дополнений к «Дворцовым разрядам». Первый том указанного издания вышел в свет в 1850 г. По представлению директора палаты М.Н. Загоскина работа с документами была поручена «опытному и сведущему чиновнику» коллежскому секретарю И.Е. Забелину, который и взялся за нее со всей ответственностью. К слову, закончен этот огромный труд, удостоенный высочайшей оценки, был в 1858 г., а Иван Егорович получил за него в качестве награды тысячу рублей серебром. Но в 1859 г. он уволился из дворцового ведомства, перейдя на работу в Археологическую комиссию по приглашению графа С.Г. Строганова, оставив о себе память как об опытном, трудолюбивом и знающем сотруднике³⁸.

В 1851 г. по инициативе директора Московского архива Министерства иностранных дел князя М.А. Оболенского, было образовано Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей в качестве отделения Оружейной палаты. Оно находилось в дворцовом ведомстве, но подчинялось непосредственно директору Московского государственного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД). Как писал заведующий архивом и канцелярией Оружейной палаты А.Е. Викторов в своей работе, посвященной Древлехранилищу³⁹, «в основу названного учреждения положена идея сосредоточить в одном месте важнейшие как письменные, так и другие отечественные памятники государственного значения, которые было предложено собрать из разных наших общественных и церковных хранилищ...». Однако «главная масса памятников» поступила из архива Министерства иностранных дел, Московской Оружейной палаты и из собственного собрания князя Оболенского, ранних дел Синодальной библиотеки, архива Министерства юстиции и других. Приведем еще одну цитату из книги А.Е. Викторова: «По характеру памятников Древлехранилище распадается на два отделения. Из них в состав первого входят памятники письменные; во втором отделении памятники вещественные, как то: государственные и другие печати, перстни, медали, монеты и прочие». Письменные памятники, которых насчитывалось 920 единиц хранения, были разделены им на пять крупных разделов «по своему содержанию и характеру», с отдельной нумерацией внутри каждого из них. Так, в 1-й раздел входили великокняжеские и царские грамоты, во второй — «письма государей и других членов семейства», в третий — «акты, относящиеся к утверждению царской власти», в четвертом — акты, «относящиеся к обрядам венчания русских государей»⁴⁰. Рукописные и печатные книги были в последнем, пятом, разделе. Основные разделы делились на более мелкие, при этом автором было указано количество единиц хранения по каждому из них. Были названы также самые интересные и известные памятники. Первоначально собранные материалы были перенесены в здание Оружейной палаты, возведенное по проекту архитектора К.А. Тона, на цокольный, так называемый «архивный этаж», однако потом Государственное древлехранилище разместилось в Теремном дворце Московского Кремля. Как отмечал сам А.Е. Викторов, «В виду высокой исторической, первостепенной исторической и археологической важности собранных в древлехранилище письменных памятников, можно было бы ожидать, что при сосредоточении их в одном помещении ими немедленно воспользуется русская наука. Но, к сожалению, это ожидание не оправдалось». Сначала Древнехранилище было недоступно из-за долгого размещения материалов на местах, затем «не было посещаемо самим его устройтелем», Оболенским. Описи и даже краткие реестры к собранию отсутствовали, что также затрудняло работу исследователей XIX столетия. Только в 1873 г. по распоряжению Министра императорского двора «каталоги» к нему были составлены, причем выполнена эта работа была уже упоминавшимся нами А.Е. Викторовым. В 1882 г. Древлехранилище перешло из дворцового ведомства в Московский государственный архив Министерства иностранных дел, переместившись при этом в его здание. Большинство письменных

и вещественных памятников вернулись на прежние места хранения, но не все. Так, например, подлинное Уложение 1649 г. в серебряном ковчеге, изготовленном мастером серебряных дел Егором Сысоевым в 1767 г. по указу императрицы Екатерины II, в музей так и не вернулось. В настоящее время оно находится в Российском государственном архиве древних актов⁴¹. Однако мы не будем проследивать дальнейшую историю Дрвслехранилища, как не относящуюся непосредственно к теме данного исследования, а вернемся к истории Московской Оружейной палаты 1850-х гг.

Необходимо отметить, что отсутствие подсобных помещений в новом здании музея создавало немало трудностей для работы сотрудников. «Для восполнения этого недостатка из сеней (верхнего вестибюля Оружейной палаты) был проход в прилежащий сарай», где находилась глухая и сырая комната для директора и канцелярии. Именно поэтому Александр Фомич Вельтман, получив назначение на должность директора, в мае 1858 г. подал в Дворцовую контору докладную записку. В ней он предложил «переделать помещение, расположенное с левой стороны ворот у Конюшенного двора, в удобные комнаты» для архива, канцелярии, а также «для пребывания и занятий... директора палаты и помощников»⁴², однако на его прошение пришел отказ, и канцелярия была устроена в том же круглом зале, где находился архив⁴³.

Двумя годами раньше, в 1856 г., перед коронацией Александра II, А.Ф. Вельтман обратился в Министерство императорского двора с просьбой увеличить «уже сокращенный до крайности штат Оружейной палаты», не соответствующий ее возросшему значению в культурной жизни страны, или хотя бы прислать на время чиновника, знающего историю, археологию, палеографию и иностранные языки «для объяснения собравшимся... в Москву по случаю... коронавания их императорских величеств, иностранным посетителям», посещавшим заодно и кремлевский музей⁴⁴. Эта просьба была удовлетворена, и в Оружейную палату был временно прикомандирован бывший библиотекарь Харьковского университета Георгий Дмитриевич Филимонов. Как отмечает Е.В. Исаева, его «прикомандирование продлилось менее двух месяцев, но оно позволило Филимонову проявить свои профессиональные качества»⁴⁵.

В 1858 г. были утверждены разработанные А.Ф. Вельтманом новые правила работы музея, регламентирующие буквально все направления его деятельности. В том же году в штате палаты появились должности писца и заведующего канцелярией и архивом. Заслуживают внимания требования, предъявляемые ко второй из них: «должность Архивариуса Оружейной палаты требует знания истории, археологии и палеографии, необходимых как для приведения в надлежащий порядок архива, заключающего исторические документы вещей, хранящихся в Оружейной палате, так и для требуемых часто выписок из древних описных книг и столбцов, особенно при составлении новой описи»⁴⁶. Именно поэтому Александр Фомич настаивал, чтобы должность архивариуса состояла в 7-м классе по табели о рангах, «с соответствующим жалованием», чтобы на нее было возможно принять чиновника действительно высокой квалификации, с ученой степенью, удовлетворяющего перечисленным выше требованиям,

а также обладавшего знанием иностранных языков. Получивший эту должность по предложению директора палаты А.Ф. Вельтмана и с согласия министра двора Георгий Дмитриевич Филимонов, ставший первым архивариусом палаты, подходил для нее как никто другой. В августе того же года он переехал с семьей в Москву и получил казенную квартиру сначала на Пречистенке, а затем в Кремле, во флигеле у Спасских ворот. Приведем цитату из статьи Е.В. Исаевой, посвященной жизни и деятельности этого человека, отдавшего сорок лет жизни нашему музею: «Приступив сразу же к работе по составлению Описи вещам Оружейной палаты, Филимонов начинает ее с подготовки источниковой базы — приведения в порядок палатского архива и составления Описи его документам. Он изучает архивные материалы, хранящиеся не только в Оружейной палате, но и в архиве Министерства иностранных дел, собирая сведения о предметах царской сокровищницы, позволившие определить время и источники их поступления, дать вещам правильные атрибуции. Одновременно Филимонов много делает для создания в стенах Оружейной палаты библиотеки, без которой работа над Описью была бы затруднительна»⁴⁷. Следует упомянуть, что Георгий Дмитриевич, «занимаясь составлением новой отчетливой описи... разсматривая рукописи, открыл в описной книге Спасской церкви, что у государей вверху, замечательное известие об Остромировом Евангелии, древнейшем памятнике кириллического письма, писанном в 1057 году»⁴⁸. Опубликованная в 1884—1893 гг. новая опись собрания Оружейной палаты, не утратившая своего научно-справочного значения до их пор, носит наименование Филимоновской, увековечив имя ее главного создателя. Однако, помимо ее составления, Георгий Дмитриевич привлекался и ко многим другим работам, в частности, в 1863 г. — к наблюдению за реставрацией икон и раскрытием фресок Благовещенского собора Московского Кремля. С этого же года он начал работать и в публичном Румянцевском музее, оставаясь бессменным хранителем отделения древностей до самой своей смерти.

В 1865—1866 гг. по инициативе чиновника дворцового ведомства действительного статского советника Георгия Васильевича Есипова была проделана большая работа по разбору и описанию столбцов из архива Оружейной палаты. Для ее осуществления к нему были прикомандированы титулярный советник Алексей Васильевич Снегирев и камер-лакей Оружейной палаты Исаев, умевший «разбирать старые рукописи»⁴⁹. Материалы для составления карточек с описанием дел для «подвижного каталога» (бумагу ватман, бумагу для обертки столбцов, карандаши для «подписывания номеров на каждом столбце и обертке», а также крахмал и сургуч) Г.В. Есипов приобрел на собственные деньги. Позднее по распоряжению А.Ф. Вельтмана из средств Оружейной палаты ему были возвращены потраченные 290 рублей серебром. К 18 ноября 1866 г. столбцы Оружейной палаты были «все разобраны, и карточки по каждому столбцу, соответствующие их содержанию, собраны в хронологическом порядке»⁵⁰. Для окончания работы заведующему архивом Оружейной палаты Г.Д. Филимонову оставалось только проверить «число столбцов и последовательность нумерации их в каждой карточке и отметить по перечневой ведомости», нет ли пропусков

в нумерации, «которые легко могли случиться при таком огромном числе столбцов». После этого надлежало принять карточки по годам, по перечневой ведомости, составить «настоящую опись» по имеющимся в карточках описаниям, и только затем уже зашифровать столбцы согласно готовой описи⁵¹. О значении, придававшемся этой работе, свидетельствует и переданное 8 мая 1867 г. Президентом Московской дворцовой конторы Н.И. Трубецким А.Ф. Вельтману «Высочайшее указание»: «По архиву Московской Оружейной палаты употребить особую заботливость к скорому, по возможности, окончанию как начатого уже указателя хранящихся столбцов... так и изготовлению по каждому из них особого ярлыка»⁵². Но заведующий архивом палаты Г.Д. Филимонов в 1866 г. был занят подготовкой археологической части русского отдела Всемирной выставки в Париже, состоявшейся в следующем году. Он же сопровождал отобранные экспонаты во французскую столицу, поэтому никак не мог заняться проверкой древних рукописей. По возвращении в палату Георгий Дмитриевич получил повышение, — был назначен на должность помощника директора Оружейной палаты⁵³. Таким образом, начатая по инициативе Г.В. Есипова работа была завершена позднее, уже при новом заведующем архивом и канцелярией музея А.Е. Викторове, о службе которого в палате расскажем чуть ниже.

Девятого марта 1867 г. Министром императорского двора были утверждены «Правила для Архива Московской дворцовой конторы», детально регламентировавшие все виды работ с документами и определившие деятельность дворцового архива на десятилетия⁵⁴. В силу важности этого документа стоит ознакомиться с ним подробнее. Согласно его первому пункту, «В Архиве Московской дворцовой конторы хранятся решенные дела как ведомства собственно сей конторы, так и дела прежнего времени, отобранные к хранению из уничтоженного Архива старых дел». Все документы делились на два разряда в зависимости от их важности и, соответственно, сроков хранения. К первому относились дела, определенные «на вечное хранение», а ко второму — с временными сроками хранения, от двух до двадцати лет, в приложении приводился подробный список дел, принадлежащих к обоим разрядам. В частности, к первому разряду относились «Высочайшие указы на имя Московской дворцовой конторы», все секретные дела, журналы присутствия, дела о коронациях, а также «дела о помещении в Оружейной палате разных вещей и об определении их по назначению». Отдельные пункты регламентировали порядок учета документов, более детальный — для 1-го разряда, а также порядок их хранения. Запрещалось использовать в помещении огонь и курить табак. Ежегодно должно было проводиться освидетельствование архива, а помимо ежегодных предусматривались дополнительные проверки по решению министра двора. Приемка дел осуществлялась только в первой трети года, в соответствии с передаточными описями, подготовленными в структурных подразделениях, причем по первому и второму разряду составлялись разные описи, дела второго разряда поступали в связках. Сведения о приеме дел подавались руководству конторы. Самостоятельные пункты «Правил» регламентировали порядок уничтожения дел с истекшими сроками хранения. Некоторые из них, несекретные материалы,

продавались на листы. Дела по личному составу подлежали обязательному физическому уничтожению, чтобы содержащиеся в них сведения «не могли быть употреблены во зло»⁵⁵. К «Правилам» прилагались различные формы учетных документов — описей дел I-го и II разрядов, реестров описей, ярлычков, наклеиваемых на дела и связки, ежегодных ведомостей о состоянии архива, с указанием количественного состава в общем и отдельно по разрядам, и так далее. Примечательно, что в них, как и во всех остальных изученных нами материалах по теме исследования, слова «Архив» и «Архивариус» пишутся с заглавной буквы. Вероятно, этот нормативный документ, свидетельствующий о достаточно высоком уровне архивной работы, действовал и после реорганизаций дворцового архива и всего дворцового ведомства, проведенных в 1869 и 1880-х гг., так как их печатные экземпляры подшиты и в более поздние дела Оружейной палаты, Дворцовой конторы и Московского дворцового управления.

В 1867 г. на вакантное место заведующего архивом и канцелярией был назначен достойный преемник Г.Д. Филимонова — его близкий знакомый, археолог и библиограф А.Е. Викторов⁵⁶. К тому времени Алексей Егорович уже имел опыт архивной работы в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, являлся членом ряда научных обществ и автором многочисленных публикаций. С 1862 г. он, как и Филимонов, служил в Румянцевском музее, где организовал Отделение рукописей и старопечатных книг, хранителем которого и являлся. Находясь на службе в Оружейной палате, он выполнил работу по сверке столбцов с описями и карточками, составленными в 1865–1866 гг., в 1873 г., как указывалось ранее, произвел работу по описанию документов в Древлехранилище, а за год до своей смерти, в 1882 г., опубликовал книгу по его истории и собранию. Однако главным итогом деятельности Алексея Егоровича в кремлевском музее стало подробное описание 1219 дел старинных дворцовых приказов и издание их в двух выпусках в 1877 и 1883 гг.⁵⁷ В первый из них вошли описания документов Казенного приказа, Государевой мастерской палаты и Царицыной мастерской палаты. Второй том посвящен делам Оружейной палаты, Конюшенного приказа, Серебряной и Золотой палат, Приказа Большого дворца, Приказа тайных дел и Государева кабинета. Вошли в него и описи дворцовых церквей. Помимо подробного заголовка, даты и количества листов были приведены значительные выдержки из отдельных документов. Именно за этот труд имя А.Е. Викторова заслуживает того, чтобы быть навсегда записанным золотыми буквами в истории архивного собрания Оружейной палаты. Алексей Егорович, в отличие от своих предшественников И.Е. Забелина и Г.Д. Филимонова, извлекавших из архивных дел ценнейшие сведения для составления описей предметов и знакомивших со своими интересными находками читателей, дал возможность исследователям лично познакомиться с уникальным документальным комплексом и самим выбрать из него нужную информацию. Причем возможность эту обрели не только его современники, но и потомки, так как значение его колоссального труда не утрачено и сегодня. Его двухтомник, ставший первой опубликованной описью архива Оружейной палаты, служит исследователям и в наши дни,

а приведенные им архивные шифры соответствуют указанным заголовкам дел. Иными словами, если Забелин и Филимонов «угощали» научную общественность готовым «блюдом», то Викторов показал «кухню», где можно приготовить «кушанье» самостоятельно.

Однако вернемся непосредственно к истории документального собрания. В 1869 г. путем присоединения к документам Архива Оружейной палаты (хранящимся в ее прежнем помещении — *М.П.*) «документов из архива самой Московской дворцовой конторы, располагавшемся в Запасном дворце у Красных ворот, был образован Московский дворцовый архив, для размещения дел которого была выделена Троицкая башня Московского Кремля». Первоначально, по монаршей воле, предполагалось хранить в этом архиве лишь документы царского периода, а дела императорского периода передать в Санкт-Петербург. Но поняв, что «дела двух периодов имеют между собой неразрывную связь», было решено «все без исключения дела, акты и документы ведомства Министерства императорского двора, относящиеся к обоим... периодам», подлежащие хранению «на вечные времена», сосредоточить в одном общем центральном архиве, «устроив оный в Москве», в Троицкой башне. Соединение вместе документов разного времени могло составить и определенное «удобство для извлечения сведений», а также способствовало бы «в сбережении казенных издержек» на проезд из Петербурга в Москву и обратно. В том же помещении предлагалось выделить и специальное место для хранения дел 2-го разряда, подлежащих временному хранению. Заведующим Московским Дворцовым архивом был назначен уже упоминавшийся нами Г.В. Есипов⁵⁸. Вероятно, этому поспособствовала проявленная им забота о столбцах XVII в. Занятия исследователей разрешались только в присутствии архивариуса.

Перенос дел из архива Московской дворцовой конторы в Запасном дворце и из Оружейной палаты и размещение их на новом месте растянулись практически на десятилетие. Так, все документы палаты заняли свое место в коридорах на втором этаже Троицкой башни лишь к 1880 г. и располагались в том же помещении, что и документы Дворцовой конторы, будучи «ничем не отделены от них». При этом некоторые дела находились в темных коридорах, куда не проникал дневной свет, и «находить требуемые документы возможно только ощупью». «Освещение Архива в древнем башенном помещении при помощи небольших окон, служивших амбразурами, настолько недостаточно, что чтение древних рукописей и разбор древних документов приходится производить у самых окон», через которые в помещение «проникает сырой внешний воздух, что составляет неудобство для занятий»⁵⁹.

Тем не менее во второй половине XIX столетия документы Оружейной палаты по-прежнему притягивали к себе внимание исследователей. Так, в 1856 г. в архиве музея работал Синодальный ризничий Савва, автор неоднократно переиздававшегося путеводителя по Синодальной ризнице⁶⁰. Иногда исследователи сталкивались и с определенными проблемами. В августе 1883 г. за разрешением пользоваться документами Московского дворцового архива обратился Иван Егорович Забелин, корпевший над составлением подробного

историко-статистического описания города Москвы. Оно было получено, однако извлеченные из архивов сведения запрещалось «печатать без особого на то разрешения». Определенные трудности были и при допуске к изысканиям его помощников, братьев В.И. и Г.И. Холмогоровых, так как, по мнению графа Г.В. Есипова, «ни к каким занятиям в Дворцовом Архиве не могут быть допущены лица неизвестные»⁶¹.

Нередко поступали в архив и запросы по самой различной тематике. Так, в 1873 г. архивариусу Московского дворцового архива Стаховскому поступило распоряжение подготовить справку «про коломенских садовников», в 1878 г. были затребованы выписки из дел Экспедиции кремлевского строения «о Пре-чистенском дворце»⁶².

22 июня 1882 г., находясь в Петергофе, император Александр III приказал «учредить в Санкт-Петербурге, подобно существующему в Москве, Общий архив Министерства императорского двора» для хранения дел действующих дворцовых учреждений⁶³. Разместить его предписывалось в Зимнем дворце, в комнатах, ранее занимавшихся Канцелярией по контролю и кассам Министерства двора. Помещения архива должны были быть изолированными от других дворцовых комнат. Заведовать Петербургским и Московским архивами должен был «причисленный к Министерству двора» действительный статский советник граф Георгий Васильевич Есипов. На тот момент он возглавлял уже Московский дворцовый архив. В данном циркуляре было прописано жалование и заведующему архивом, и его помощнику (3000 рублей в год + 1500 рублей столовых и 1000 рублей + 500 рублей столовых соответственно). Так как Г.В. Есипову и его помощнику предстояли постоянные разъезды из Петербурга в Москву и обратно по долгу службы, на эти цели выделялись так называемые разъездные. О большом значении, придававшемся новому учреждению, свидетельствует тот факт, что должность заведующего состояла в IV-ом классе, а его помощника — в VII-ом классе по «Табели о рангах». Примечательно, что, согласно этому документу, существенно повышалось жалование всем архивариусам и их помощникам в связи с важностью выполняемых работ. Если раньше первые получали ежегодно порой всего 429 руб., а вторые 289 руб. в год, то теперь их жалование не могло быть менее 1000 руб. и 800 руб. соответственно. По сохранившимся документам видно, что Георгий Васильевич довольно часто выезжал из Москвы в северную столицу, оставляя ключ от помещения и многочисленные наставления архивариусу, в частности, «соблюдать установленный порядок», а при надобности докладывать обо всем случившемся президенту или вице-президенту Московской дворцовой конторы⁶⁴.

В конце 1885 г. по высочайшему повелению была проведена реорганизация Министерства императорского двора — вместо упраздненной Московской дворцовой конторы образовано Московское дворцовое управление, а с 1 января следующего года сотрудники Оружейной палаты вошли в штат Дворцового управления. Должности директора и его помощников ликвидировались, вместо них руководство палатой осуществляли два хранителя, состоявшие в довольно высоком, VI-ом классе по «табели о рангах»⁶⁵. После этой реформы в Московский

дворцовый архив начали поступать фонды ликвидированных московских и петербургских учреждений XVIII–XIX вв. О его функциях свидетельствует хранящийся в Российском государственном архиве древних актов черновой план работы по Московскому отделению Общего архива Министерства императорского двора по историческому отделу на 1887 г., дающий представление об обязанностях архивариусов конца XIX столетия. Весь он помещается на одном листочке и состоит из семи пунктов. В числе прочих задач в него включено «составление описи отрывочным столбцам XVII в.», составление новой описи делам Мастерской и Оружейной палаты с 1729 по 1831 г., а также наклейка ярлычков на разобранные и описанные дела. Количественные показатели и сроки исполнения не указаны. К плану прилагается ежегодно составляемая ведомость о состоянии исторического отдела на конец года. Так, на декабрь 1886 г. в отделе находилось 57 415 дел 1-го разряда. Из них 210 поступили в течение года⁶⁶.

В 1888 г. был образован Объединенный архив Министерства императорского двора, имевший два отделения — в Москве и Санкт-Петербурге. Документы московского отделения архива по-прежнему располагались в Троицкой башне⁶⁷. В начале XX в. архивариусом Александром Ивановичем Успенским⁶⁸ был продолжен труд А.Е. Викторова по описанию и публикации описей документов XVII — начала XX в. из бывшего архива Оружейной палаты. Им были описаны «книги, дела и документы» Казенного приказа, Мастерской и Оружейной палаты, Конюшенной казны, дворцовых церквей и дворцовых учреждений XVIII — начала XIX в., а заведующему Общим архивом в 1906 г. удалось «исходатайствовать» из Министерства императорского двора средства на напечатание «Записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов». В этом же издании А.И. Успенским, по его собственным словам придерживающимся «системы», принятой А.Е. Викторовым, были помещены также именные, предметные и топографические указатели к «Описаниям», составленным Алексеем Егоровичем, которые тот обещал, но не успел опубликовать⁶⁹. Согласно прошению А.И. Успенского, ему было разрешено лично преподнести императору эту книгу⁷⁰. В 1912 г. был издан первый выпуск работы Александра Ивановича «Столбцы бывшего архива Оружейной палаты», а в 1912–1913 гг. еще два⁷¹. В 1914 г. был подготовлен к печати и четвертый выпуск, но «ввиду военного времени» средства на его издание не поступили⁷². В предисловии к первому выпуску содержится краткая характеристика столбцов и работы по их описанию, проведенной в 1860-х гг. по инициативе Г.В. Есипова. Приведем из нее цитату: «Всего в Архиве свыше 52 000 столбцов. Некогда они были в свитках, но лет сорок тому назад были расклеены, причем многие сставы их (так в старину назывались отдельные части столбца, составляющие склейки, или листки...) были перепутаны, отнесены к несоответствующим годам или остались без обозначения времени написания»⁷³. Необходимо отметить, что все изданные тома «Описаний» пользовались большой популярностью уже при жизни Александра Ивановича. Запросы на их приобретение поступали из библиотек, университетов, а также археологических, библиографических и исторических обществ городов Российской империи, хотя цена была достаточно существенной и составляла

2 рубля 50 копеек за книжку. Был среди читателей трехтомника и протоиерей Николай Дмитриевич Извеков, служивший сначала в Благовещенском, а затем Архангельском соборах Московского Кремля⁷⁴. Составленные А.И. Успенским описания документов из архива Оружейной палаты, как и рассмотренные ранее работы А.Е. Викторова, не утратили своей значимости в наше время, они также широко используются исследователями и служат описями к фонду № 396 «Оружейная палата» в Российском государственном архиве древних актов.

Что же касается документального собрания, находившегося в стенах Оружейной палаты, то после переноса его исторической части в Троицкую башню и ухода А.Е. Викторова должность архивариуса в палате была упразднена. Проведенная в 1886 г. реорганизация крайне отрицательно сказалась на положении музея, создав определенные трудности для организации его нормальной работы. Однако в результате деятельности палаты, как и любого другого учреждения, не могли не откладываться все новые и новые текущие документы — поступавшие приказы и распоряжения вышестоящих органов, переписка по самым разным вопросам — хранению, книгообмену, издательской деятельности, по хозяйственным и финансовым проблемам, материалы по личному составу и так далее. Эти дела, тогда еще не представлявшие исторической ценности, составили делопроизводственный архив. В настоящее время они образуют фонд № 1 и часть фонда № 20 в архиве Музеев Московского Кремля. В 1902—1917 гг. ведение делопроизводства, а также руководство библиотекой «в высшей степени добросовестно» осуществлял Дмитрий Иванович Успенский, принятый в Московское Дворцовое управление «с откомандированием» в палату по ходатайству ее хранителя В.К. Трутовского. Служба Д.И. Успенского в кремлевском музее продолжалась до его выхода на пенсию в 1930 г.⁷⁵

В 1918 г. дела Московского дворцового архива, хранившиеся в Троицкой башне, по решению нового правительства были включены в состав 1-й секции ЕГАФ (единого государственного архивного фонда). В 1920—1921 гг. они были перемещены в здание Московского архива Министерства юстиции (ММЮ) и включены в состав IX секции ЕГАФ (Историко-культурная), образовав 1-е отделение («Быгга»), а затем вошли во 2-е отделение («Бывший Дворцовый архив»). В 1925 г. фонды дворцовых учреждений поступили в Дрвслехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР, составив его 3-й отдел⁷⁶. Однако их история со второй четверти прошлого века уже выходит за хронологические рамки нашего исследования.

¹ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 29.

² Об истории Оружейной палаты в XVIII в. подробнее см., например: Павлович М.К. К истории музея «Оружейная палата» в XVIII веке // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры: Материалы науч. конф. 1989 г. М., 1992. Вып. 1. С. 31—40; Смирнова Е.И. Документы петровского времени из архива Оружейной палаты о создании экспозиции в Мастерской Казенной палате Московского Кремля // Археологический ежегодник за 1983 год. М., 1985; Павлович М.К. Оружейная палата и правители Российской империи в XVIII столетии // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 13—20.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1380. Протокол № 1.

- ⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1372. Л. 22.; Д. 1373. Л. 12.
- ⁵ Там же. Д. 1917. Л. 3–7.
- ⁶ Там же. Д. 1368. Л. 35–35 об.; *Успенский А.И.* Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. М., 1906. С. 161.
- ⁷ Подробнее о деятельности А.М. Аргамакова см.: *Павлович М.К.* Проект музеефикации середины XVIII века: Оружейная палата и А.М. Аргамаков // *Художественные памятники Московского Кремля (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»;* 16). М., 2003. С. 202–207.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «П». Д. 29. Л. 2–4.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1379. Л. 10 об.
- ¹¹ Там же. Д. 1478. Л. 162.
- ¹² *Успенский А.И.* Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. С. 161.
- ¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1385. Л. 211 об.
- ¹⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «П». Д. 5. Л. 123.
- ¹⁵ См., например: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1490. Л. 457–464; 39.
- ¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. 1770 г. Д. 292.
- ¹⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1384. Л. 12 об.–13.
- ¹⁸ Там же. Д. 1401. Л. 98–99.
- ¹⁹ Там же. Л. 121–121 об.
- ²⁰ *Тугова Т.А.* К истории создания сводной научной описи коллекции Оружейной палаты в XIX веке // *Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»;* 14). М., 2002. С. 68–78.
- ²¹ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «П». Д. 28. С. 7; *Петухова А.В.* П.С. Валуев и Оружейная палата. (Доклад, прочитанный на итоговой научной конференции в Музеях Кремля в ноябре 2000 г.)
- ²² См., например: *Петухова А.В.* П.С. Валуев и Оружейная палата // *Художественные памятники Московского Кремля (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»»;* 16). С. 208–218; *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век // *Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»;* 14). С. 30–47; *Николаева А.С., Щербина Е.В.* Российские императоры и Оружейная палата в 1801–1917 годах // *Российские императоры и Оружейная палата.* С. 89–103.
- ²³ *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век. С. 33.
- ²⁴ *Столярова М.Л.* Первая экспозиция Оружейной палаты // *Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»;* 14). С. 52.
- ²⁵ См.: *Вестник Европы.* 1827. № 14 (июль). С. 82–102.
- ²⁶ *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век. С. 35.
- ²⁷ Подробнее см.: Там же. С. 37–38; *Петухова А.В.* Музей в Кремле как государственное учреждение // *Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»;* 14). С. 17 и другие.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 11449. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Оп. 22. Д. 10.
- ³⁰ Там же. Оп. 3. Д. 11492. Л. 4–5.
- ³¹ Там же. Ф. 1239. Оп. 23. Д. 386. Л. 1; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 43.
- ³² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7069. Подробнее о И.Е. Забелине см.: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.
- ³³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 11581. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 5–5 об.
- ³⁵ Там же. Д. 11592. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 3.

- ³⁷ Там же. Д. 17775. Л. 1.
- ³⁸ См.: Там же. Д. 7069. Л. 30 об., 50 об., 52, 56, 58 об.—59.
- ³⁹ См.: *Викторов А.Е.* Государственное древлехранилище в термах Московского Кремлевского дворца. СПб., 1882. С. 1.
- ⁴⁰ *Викторов А.Е.* Государственное Древлехранилище в термах Московского Кремлевского дворца. С. 15.
- ⁴¹ Об истории Древлехранилища см.: Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. Т. 1. С. 22—24.
- ⁴² См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «Н». Д. 4. Л. 75; *Николаева А.С.* Работа А.Ф. Вельтмана в Оружейной палате (1842—1870). Дипломная работа 1993 г.; Ф. 20. Оп. д/р. Д. 74. Л. 25.
- ⁴³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 62.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 64. Л. 8.
- ⁴⁵ *Исаева Е.В.* Георгий Дмитриевич Филимонов. Страницы жизни и творчества (1826—1898) // Филимоновские чтения. Вып. 1. М., 2004. С. 8.
- ⁴⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 73. Л. 1.
- ⁴⁷ *Исаева Е.В.* Георгий Дмитриевич Филимонов. Страницы жизни и творчества (1826—1898). С. 9.
- ⁴⁸ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 73. Л. 6.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Д. 133. Л. 4—5; Д. 117. Л. 7.
- ⁵¹ Там же. Д. 117. Л. 7—8.
- ⁵² Там же. Л. 9—10.
- ⁵³ *Исаева Е.В.* Георгий Дмитриевич Филимонов. Страницы жизни и творчества (1826—1898). С. 12.
- ⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 23. Д. 610-а.
- ⁵⁵ Там же. Л. 2.
- ⁵⁶ Подробнее об А.Е. Викторове см.: *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 3. Писатели, умершие в 1883 г. СПб., 1886.
- ⁵⁷ *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов (1584—1725). М., 1877—1883. Вып. 1—2.
- ⁵⁸ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 117. Л. 18—20; Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. Т. 1. С. 30.
- ⁵⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 30 об.—31.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 62. Л. 2.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 26057. Л. 2 об., 5.
- ⁶² Там же. Оп. 36. Д. 8. Л. 1; Оп. 36. Д. 11. Л. 4.
- ⁶³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 440.
- ⁶⁴ См., например: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 8. Л. 2.
- ⁶⁵ Подробнее см.: *Петухова А.В.* Музей в Кремле как государственное учреждение. С. 19.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 14. Л. 1—2.
- ⁶⁷ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. Т. 1. С. 30.
- ⁶⁸ Фотографию А.И. Успенского см. на с. 283.
- ⁶⁹ См.: *Успенский А.И.* Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 27. Л. 23.
- ⁷¹ *Успенский А.И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. М., 1912—1914. Вып. 1—3.
- ⁷² См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 44. Л. 11.
- ⁷³ *Успенский А.И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. М., 1912. Вып. 1. С. I—II.
- ⁷⁴ См., например: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 44. Л. 11, 15, 31; Д. 27. Л. 2.
- ⁷⁵ О жизни и деятельности Д.И. Успенского подробнее см.: *Павлович М.К.* Фонд Д.И. Успенского в отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Кремля // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры: Материалы научной конференции 1989. М., 1992. Вып. 1. С. 151—158.
- ⁷⁶ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. Т. 1. С. 30.